

оказывается, было некому. «Так, мы знаем какого-то грамотного елецкого хлебного торговца, но едва ли найдется грамотный помещик-земледелец, а если бы и нашелся, то его бы никто не стал читать, а если бы он заговорил серьезно, то противный лагерь закидал бы его шапками и, пожалуй, цензура закрыла бы его лавочку»¹. Да что там, если Фет заботился, чтобы передать свое наследство по боковой линии, потому что его племянник, ближайший наследник, проявлял себя главным образом на почве кутежей и карточной игры.

Начиная усадебную эпопею, Фет на долго отодвинул в сторону стихи. По мере того как налаживалось хозяйство и росло благосостояние, литература возвращалась в его обиход.

Он долго и упорно работает над переводами римских поэтов-классиков, том за томом выпуская в восьмидесятые годы оды Горация, сатиры Ювенала, элегии Тибулла, стихотворения Катулла, одну из книг «Превращений» Овидия, «Энеиду» Вергилия, элегии Проперция, сатиры Персия, эпиграммы Марциала. Он делает полный перевод «Фауста». Его философским увлечением становится А. Шопенгауэр. Утверждение воли как движущей силы мироздания, пессимизм, не исключающий, а, напротив, провоцирующий человеческую активность, оказались близки его миросозерцанию. В 1879 году он начинает переводить Шопенгауэра, пользуясь консультациями Н. Страхова и Вл. Соловьева. В 1885 году выходит трактат «О четверном корне закона достаточного основания», в 1888 году — главная книга философа «Мир как воля и представление».

А еще Фет вспоминает. Сначала — о литературных знакомствах, армейской службе, судейской и хозяйственной деятельности («Мои воспоминания», 1890). Потом — о детстве и юности («Ранние годы моей жизни», 1893).

С конца 1860-х годов, после достаточно долгого перерыва, вновь начинают писаться стихи. Толстой, получив «Майскую ночь», предсказывает: «Оно так хорошо, что мне кажется, это не случайное стихотворение, а что это первая струя давно задержанного потока»².

Потом поток растет и ширится, не иссякая до последних дней фетовской

¹ Письмо С. А. Толстой от 23 января 1888 г. // Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 309.

² Письмо А. А. Фету от 11 мая 1870 г. // Толстой. Т. 61. С. 235.

жизни. В 1882 году, после двадцатилетнего перерыва, появляется новая поэтическая книга.

А я, по-прежнему смиренный,
Забытый, кинутый в тени,
Стою коленопреклоненный,
И, красотою умиленный,
Зажег вечерние огни.

(«Полонскому»)

Еще три выпуска «Вечерних огней» выходят в 1885, 1888 и 1891 годах. Пятая книжка под тем же заглавием была подготовлена, но издать ее Фет не успел.

Фет давно смирился с тем, что его книги выходили как издания «для немногих». «Людям не нужна моя литература, а мне не нужны дураки»¹. Но и без того узкий круг понимающих и сочувствующих с каждым годом сужался все более. «Когда я стал перечитывать эти три пьески («Отошедшей», «Смерть», «Alter ego». — И. С.) — меня ужасно поразила и связь их, и та страшная унылость, которая скрыта под этою энергическою, яркою речью. Бедный Фет!.. Один везде, и в своей великолепной Воробьевке!» (Страхов)².

Позднее и Николай Николаевич начал подыгрывать Льву Николаевичу в критике фетовских парадоксов и крайностей. «Ну, можно ли дожить до старости с этим исповеданием эгоизма, дворянства, распутства, стихотворства (! — И. С.) и всяческого язычества!.. Если бы люди не были лучше своих мыслей и действий, то от Фета нужно бы отвернуться с презрением»³, — написано Толстому после очередного посещения Воробьевки 24 июля 1890 года.

Вот так. И он трезво осознает свое положение. «За исключением Льва Толстого, я не знаю на Руси человека пера, чтобы не сказать — мысли, который бы находился в подобных мне условиях абсолютного одиночества. Но и Толстой несравненно более меня пользуется духовным общением, которого я, за внезапным поворотом самого же Толстого по настоящему его направлению, лишен окончательно...»⁴

¹ Письмо Н. Н. Страхову от ноября 1877 г. // «Русское обозрение», 1901. № 1. С. 72.

² Письмо Л. Н. Толстому от 6 января 1879 г. // Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914. С. 200.

³ Там же. С. 407.

⁴ Письмо С. А. Толстой от 10 февраля 1880 г. // Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 430.